

1. Статьи

В.С. Аксенов

Харьков

Об этнической неоднородности кремаций VIII - первой половины X вв. Подонцовья (по материалам Сухогомольшанского могильника салтовской культуры)

Общепризнано, что погребальные памятники являются наиболее информативными объектами в отношении этноопределяющих черт носителей той или иной археологической культуры. Это связано с тем, что погребальная обрядность отличается своей консервативностью. Логично, что рассмотрение погребального обряда является одним из существенных вопросов при изучении этнической структуры таких сложных образований, как салтово-маяцкая археологическая культура. И это в значительной степени относится к территории верхнего и отчасти среднего течения Северского Донца, где на границе лесостепи и степных районов сконцентрированы салтовские памятники, содержащие грунтовые сожжения, датируемые второй половиной VIII - IX вв.

Вопрос этнической принадлежности этих погребений по обряду трупосожжения с территории Подонечья, при наличии нескольких гипотез, все еще далек от своего окончательного решения [Богуславский 2001, 52 - 57; Дегтярь 1981, 75 - 83]. Рядом исследователей отмечается схожесть кремаций из бассейна Северского Донца и из Кубано-Черноморского района, указывающая на этническое родство населения, оставившего эти две группы кремационных могильников [Пьянков, Тарабанов 1996, 61 - 64]. Соотнесение же, в последнее время, кремаций Кубани с касогами [Пьянков 2001, 117 - 120] позволяет предположить наличие представителей данного этноса и в Подонцовье. Тем более, что здесь концентрируются городища с каменными стенами и катакомбные могильники, связываемые большинством исследователей с аланским населением салтовской культуры - «ясами» [Афанасьев 1993]. Расположение «касогов» и «ясов» в непосредственной близости друг от друга отмечается большинством средневековых письменных источников. В то же время, еще в 1972 г. С.А. Плетнева заметила, что кремационные погребения на могильниках салтово-маяцкой культуры могут быть дифференцированы и иметь разную этническую принадлежность [Плетнева 1972, 114 - 115].

Все это заставляет рассмотреть кремации крупного и хорошо исследованного могильника Сухая Гомольша [Михеев 1986] более детально, на предмет их тождественности кремационным захоронениям Кубани. Это тем более необходимо, что неболь-

шие журнальные публикации материалов Сухогомольшанского могильника [Михеев 1982, 156 - 157; Михеев 1986, 158 - 173] "лаконичны и информативного материала в них а целом немного" [Плетнева 1990, 83]. Исследователь Сухогомольшанского могильника В.К. Михеев первоначально связывал население, оставившее могильник, с угорскими племенами [Михеев 1982, 166]. Со временем он изменил свою точку зрения, видя в носителях данного обряда в салтовском обществе представителей позднепеньковского (славянского в своей основе) населения [Михеев 1991, 44]. Славянскую принадлежность носителей кремационного обряда в салтовской среде отстаивает В.В. Седов [Седов 2002, 266]. Это мнение первоначально разделял и Г.Е. Афанасьев [Афанасьев 1987, 153]. Позже он предложил искать носителей кремационного обряда салтоаского времени Подонья в адыго-абхазской среде [Афанасьев 2001, 53].

Для могильника Сухая Гомольша установлен единый обряд захоронения - трупосожжение на стороне. Количество пережженных человеческих костей, найденных в захоронениях могильника, указывает на не всегда тщательный сбор остатков скелета для помещения в могилы: в одних случаях они обильны или их достаточно много в других - они единичны. Личные вещи, принадлежавшие покойнику (бусы, украшения из цветных металлов, элементы одежды), зачастую несут следы пребывания в огне погребального костра. Ярко выраженные следы пребывания в пламени погребального костра имеют предметы вооружения и снаряжения коня. Они после нагрева подвергались искусственной деформации (сгибались, ломались). Однако часть вещей следов воздействия огня не несет и, видимо, может рассматриваться в качестве посмертного дара покойному.

В целом кремационные захоронения могильника Сухая Гомольша в общих чертах и особенно по инвентарю схожи с погребениями по обряду трупосожжения из Прикубанских могильников типа Дюрсо [Гавритухин, Пьянков 2003, 196, 198; Дмитриев 2003, 203 - 205, табл. 87 - 92]. Однако кремации Сухогомольшанского могильника характеризуются наличием целого ряда специфических черт погребального обряда.

По способу погребения останков сожжения все захоронения Сухой Гомольши делятся на урновые и безурновые. В количественном отношении безурновые погребения несколько преобладают над урновыми: первых - 179, вторых - 138 (соответственно 56,4 и 43,6 %), тогда как для кремационных могильников VIII - IX вв. Кубано-Черноморского района характерно полное преобладание безурновых (ямных) захоронений [Гавритухин, Пьянков 2003, 195; Дмитриев 2003, 203].

Безурновые захоронения (тип I) в зависимости от наличия в них следов погребального костра в виде пепла, древесных угольков, а также концентрации пережженных человеческих костей в площади могильной ямы, подразделяются на несколько видов: I-1 - пережженные кости очищены от следов погребального костра и компактно расположены в пределах могильной ямы (16 погребений или 5,5 %) (Рис. 1); I-2 - человеческие останки очищены от следов погребального костра и рассеяны по дну могильной ямы (36 захоронений или 11,3 %) (Рис. 2); I-3 - кальцинированные кости с остатками погребального костра компактно расположены в могильной яме (38 захоронений или 11,9 %) (Рис. 3); I-4 - кальцинированные кости вместе с золой и углем погребального костра рассеяны по всей площади могильной ямы (89 захоронений или 28,1 %) (Рис. 4).

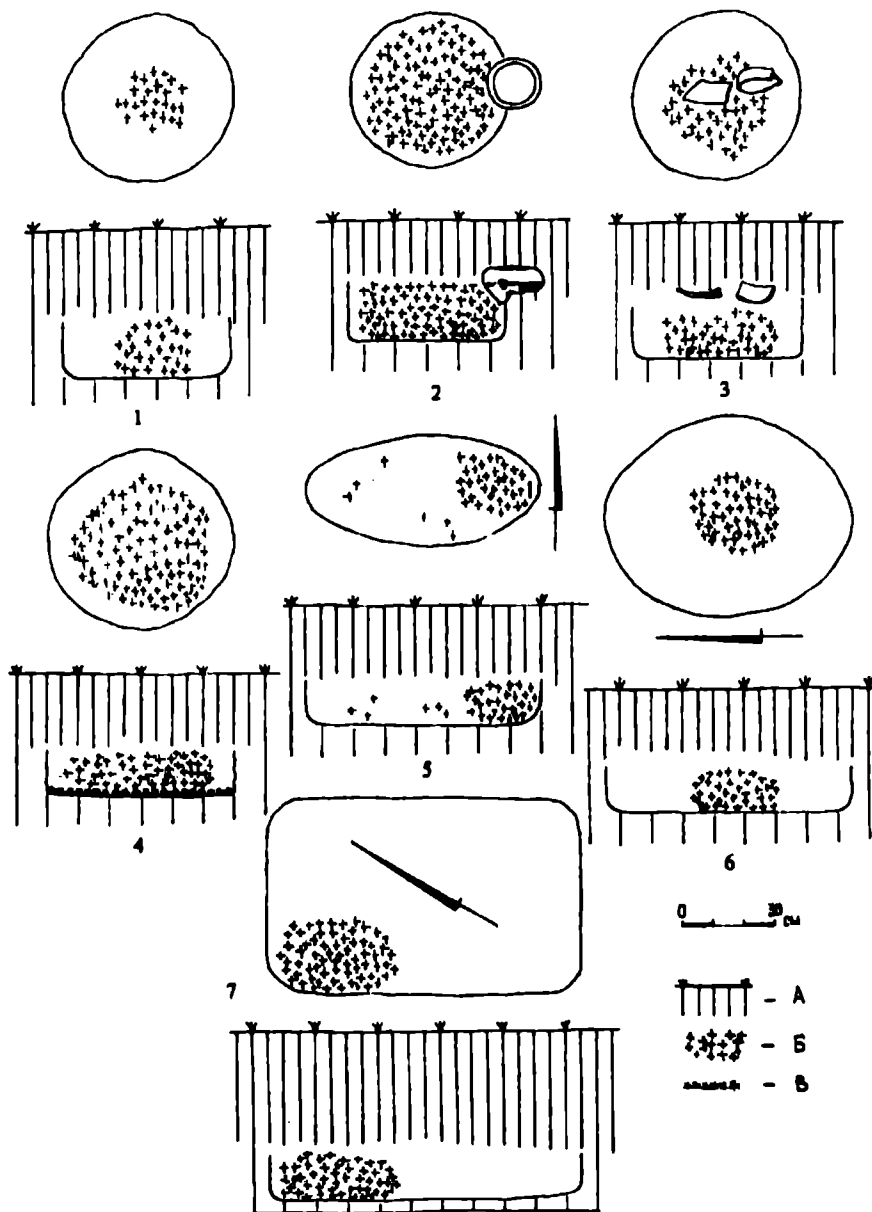

Рис. 1. Безурновые сожжения могильника Сухая Гомольша. Тип I-1. 1 - погр. №255; 2 - погр. №119; 3 - погр. №231; 4 - погр. №268; 5 - погр. №216; 6 - погр. №251; 7 - погр. №253. А - чернозем; Б - пережженные человеческие кости; В - обожженный слой глины.

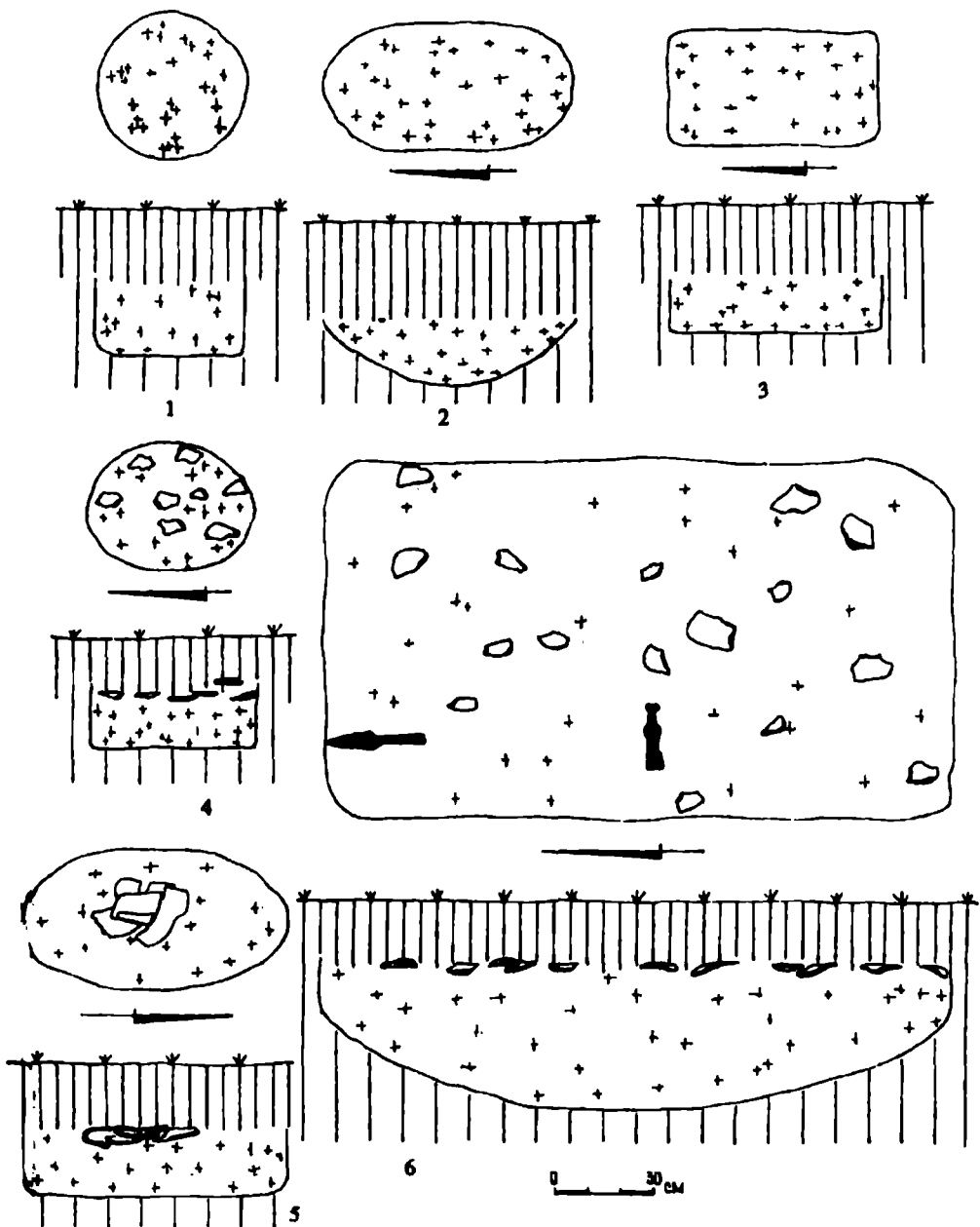

Рис.2. Безурновые сожжения могильника Сухая Гомольша. Тип 1-2. 1 - погр. №240; 2 - погр. №187; 3 - погр. №171; 4 - погр. №211; 5 - погр. №232; 6 - погр. №233.

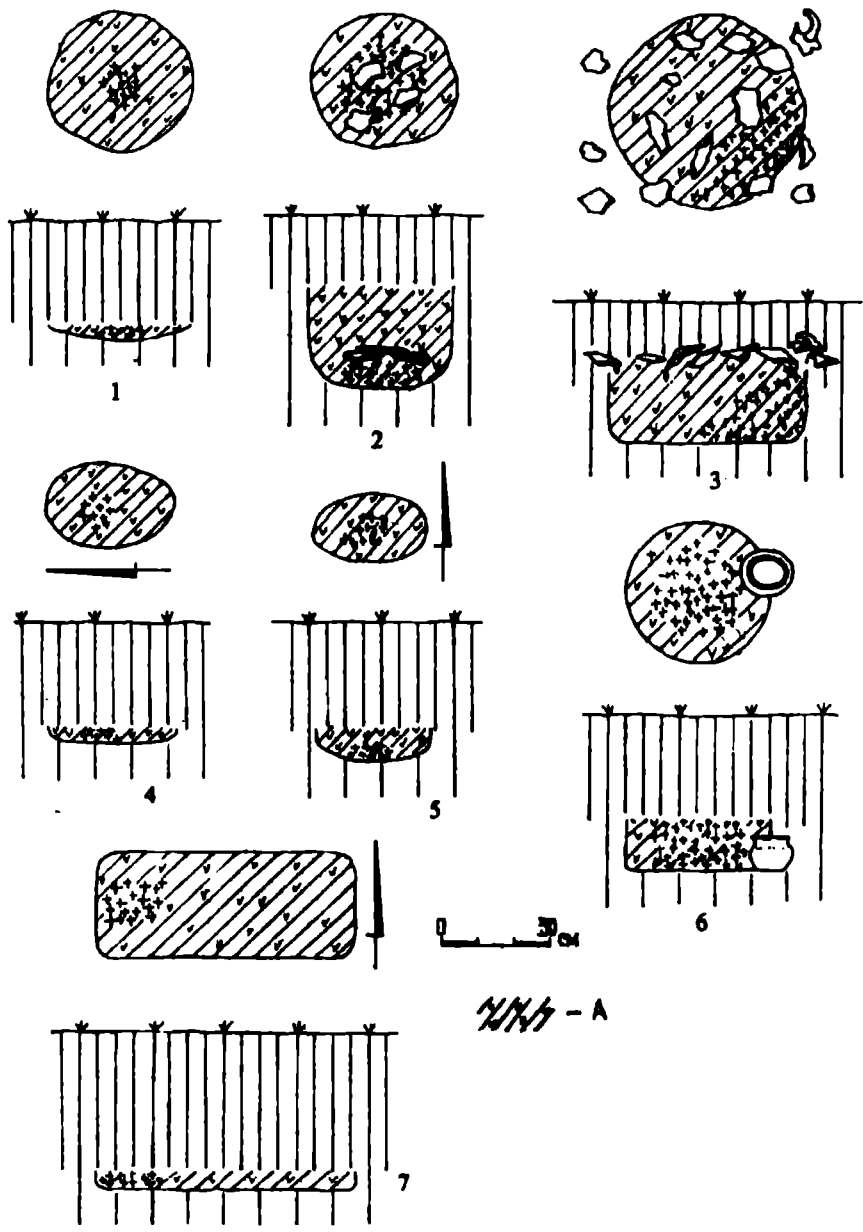

Рис.3. Безурновые сожжения могильника Сухая Гомольша. Тип I-3. 1 - погр.№10; 2- погр.№1; 3 - погр.№219; 4 - погр.№18; 5 - погр.№20; 6 - погр.№220; 7 - погр.№316; А - остатки погребального костра в виде древесного угля и золы.

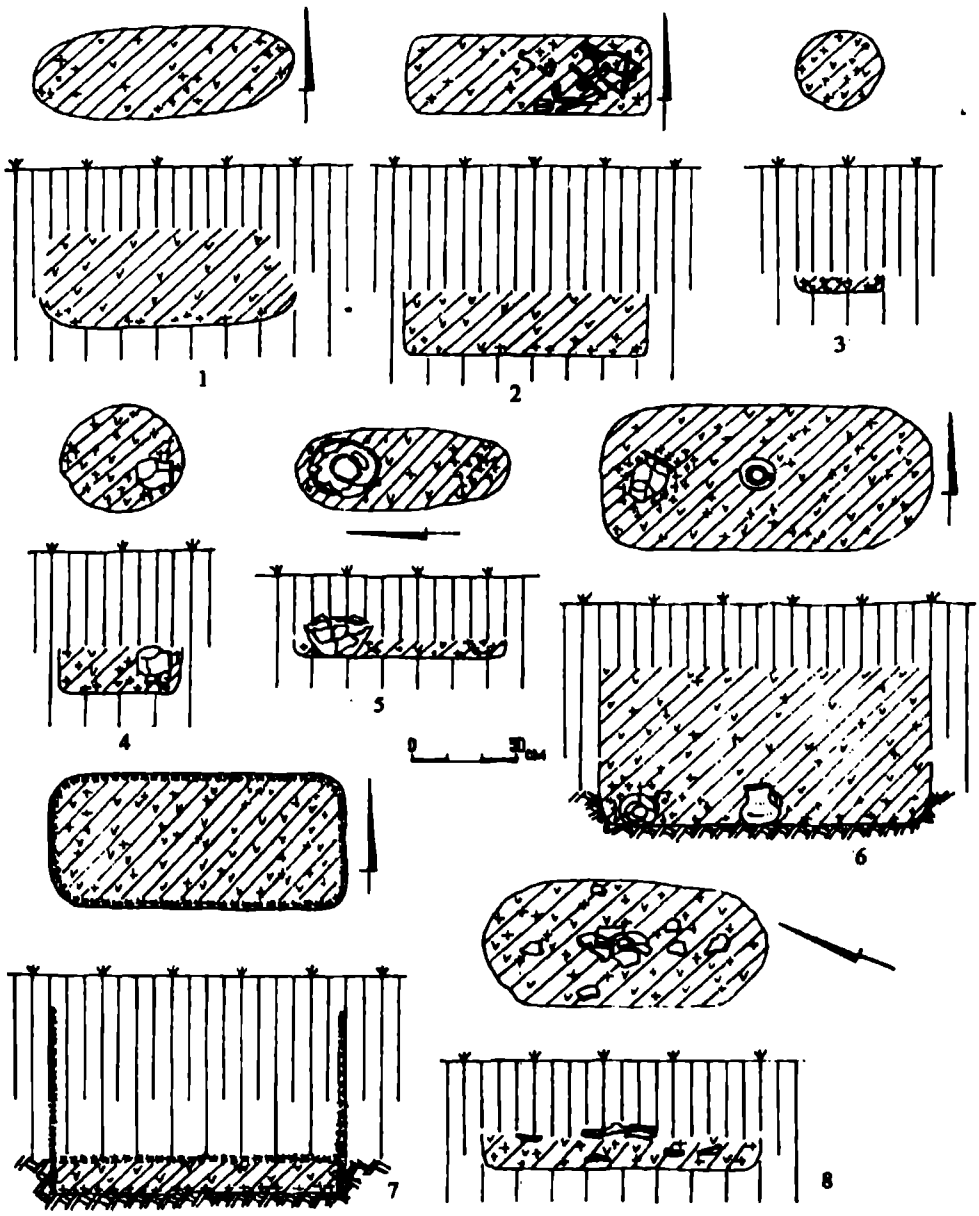

Рис.4. Безурновые сожжения могильника Сухая Гомольша. Тип I-4. 1 - погр.№7; 2 - погр.№17; 3 - погр.№123; 4 - погр.№263; 5 - погр.№95; 6 - погр.№111; 7 - погр.№109; 8 - погр.№218.

Урновые (тип II) захоронения могильника в зависимости от очищенности пережженных человеческих костей от остатков погребального костра, положения погребальной урны, наличия крышки и подстилки разделены на несколько видов: II-1 - очищенные от следов погребального костра человеческие останки находились в урне, установленной *вверх дном* (22 захоронения или 6,9 %) (Рис. 5: 1 - 4); II-2 - очищенные от следов погребального костра человеческие останки помещены в урну, стоящую *вверх дном на подстилке* (8 погребений или 2,5 %) (Рис. 5: 5 - 7); II-3 - человеческие останки вместе с *остатками* погребального костра находились в урне, установленной *вверх дном* (44 захоронения или 13,9 %) (Рис. 6: 1 - 3); II-4 - пережженные человеческие кости вместе с *золой и углем* погребального костра находились в урне, установленной *вверх дном на подстилке* (8 погребений или 2,5 %) (Рис. 6: 4 - 6); II-5 - очищенные от следов погребального костра пережженные человеческие кости помещены в урну, стоящую *устьем вверх* (14 погребений или 4,4 %) (Рис. 7: 1 - 4); II-6 - очищенные от следов погребального костра человеческие останки помещены в урну, установленную *устьем вверх* и накрытую *крышкой* (6 захоронений или 1,9 %) (Рис. 7: 5 - 7); II-7 - пережженные человеческие кости вместе с *углем и золой* погребального костра помещены в урну, установленную *устьем вверх* (29 погребений или 9,1 %) (Рис. 8: 1 - 4); II-8 - неочищенные от следов погребального костра человеческие останки помещены в урну, стоящую *устьем вверх* и накрытую *крышкой* (7 погребений или 2,2 %) (Рис. 8: 5 - 8).

Разнообразие погребальных традиций, представленных на могильнике (Табл. 1), по всей видимости, следует рассматривать как отражение сложной этнокультурной структуры сухогомольшанской общины. Подобное многообразие видов захоронений отмечено лишь в кремациях черняховской культуры [Кравченко 1983, 51], полиэтничность которой в настоящее время ни у кого не вызывает сомнения. Более однородными, по сравнению с сухогомольшанскими, представляются сожжения славян юга Восточной Европы второй половины I тыс. н. э. (пражской, корчакской, колочинской, пеньковской, волынцеевской культур) [Приходнюк 1990, 228; Смиленко, Юренко 1990, 276 - 278]. То же можно сказать и в отношении славянских кремаций VIII - IX вв. с территории Подунавья [Въжарова 1976, 9 - 82; Димитров 1974, 55 - 66]. Это же касается и кремаций четвертого периода могильника Дюрсо [Дмитриев 2003, 203]. Более сложная ситуация наблюдается в третьей группе Борисовского могильника, что объясняется синтезом местных традиций и погребальных традиций пришлого населения [Гавритухин, Пьянков 2003, 196].

Сравнение погребений могильника Сухая Гомольша с захоронениями ряда славянских археологических культур середины - второй половины I тысячелетия н. э. юга Восточной Европы показывает, что при общей схожести между ними имеется и ряд различий (Табл. 2).

Для славянских кремаций больше характерны неглубокие погребальные ямы круглой формы диаметром 0,3-0,4 м [Приходнюк 1998, 28], тогда как на Сухогомольшанском могильнике преобладают захоронения в ямах вытянутых очертаний. Для немногочисленных безурноаых захоронений VIII - X вв. некрополей Болгарии характерно также помещение остатков кремации в ямы круглой формы незначительных размеров (8-30 см) и лишь иногда овальной [Въжарова 1976, 26, 31, 32, 36, 60].

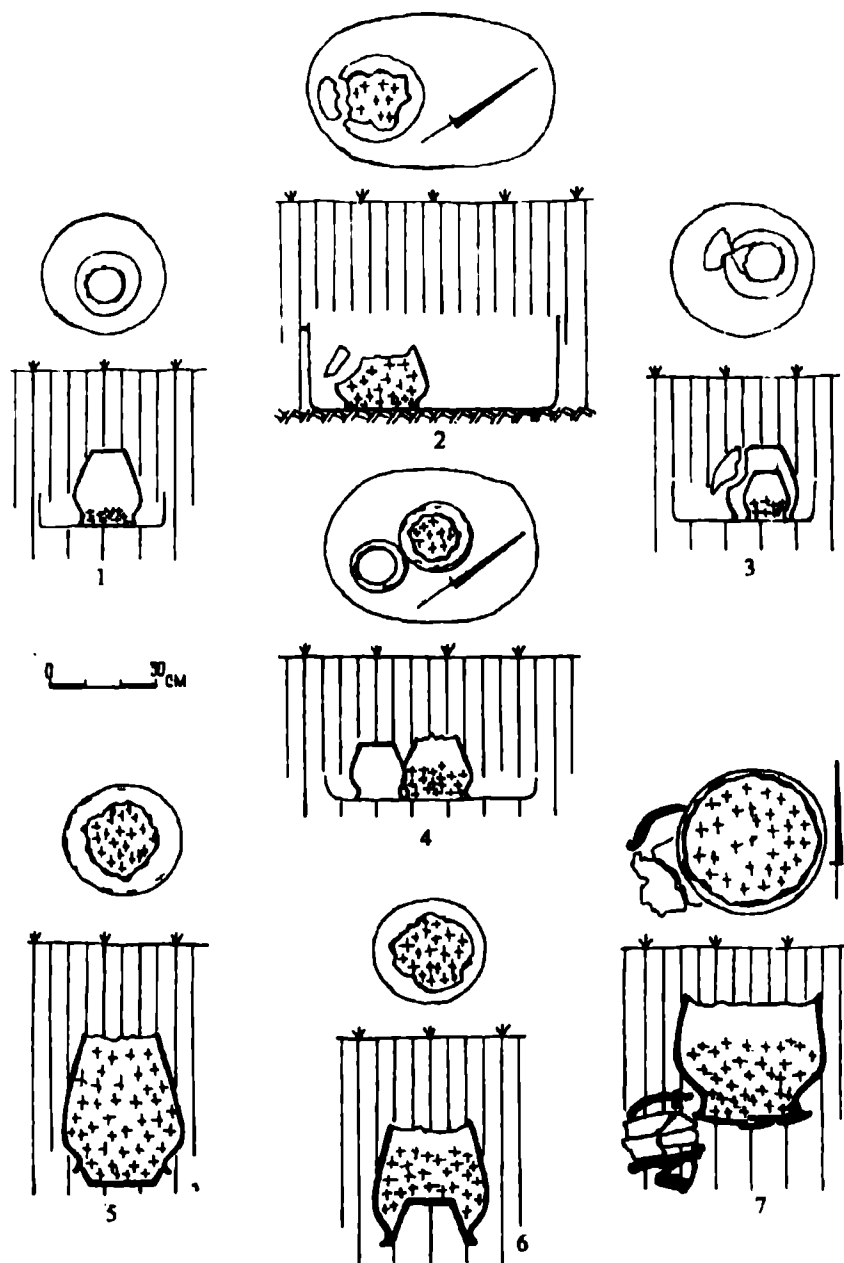
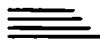

Рис. 5. Урновые сожжения могильника Сухая Гомольша. Тип II-1, II-2. 1 - погр. №52; 2 - погр. №49; 3 - погр. №51; 4 - погр. №28; 5 - погр. №175; 6 - погр. №185; 7 - погр. №286.

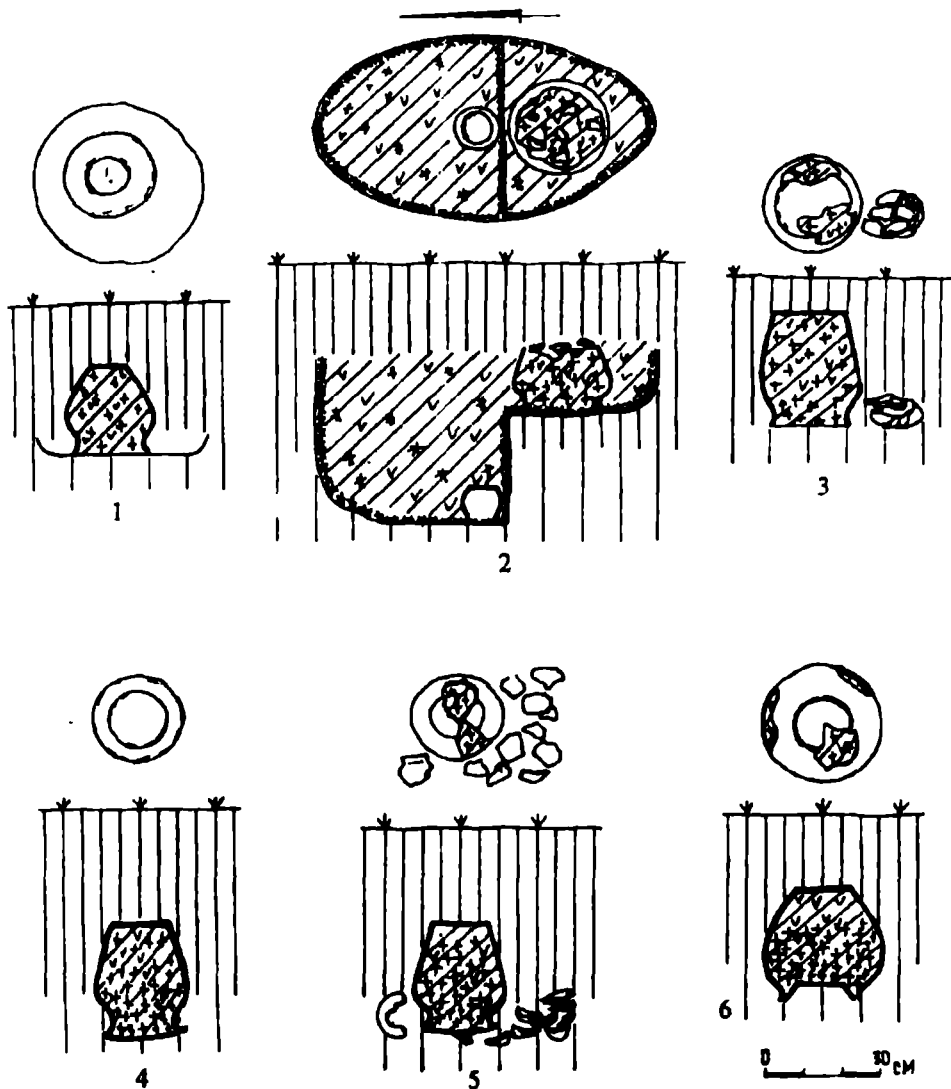

Рис. 6. Урновые сожжения могильника Сухая Гомольша. Тип II-3, II-4. 1 - погр. №39; 2 - погр. №265; 3 - погр. №261; 4 - погр. №128; 5 - погр. №206; 6 - погр. №207.

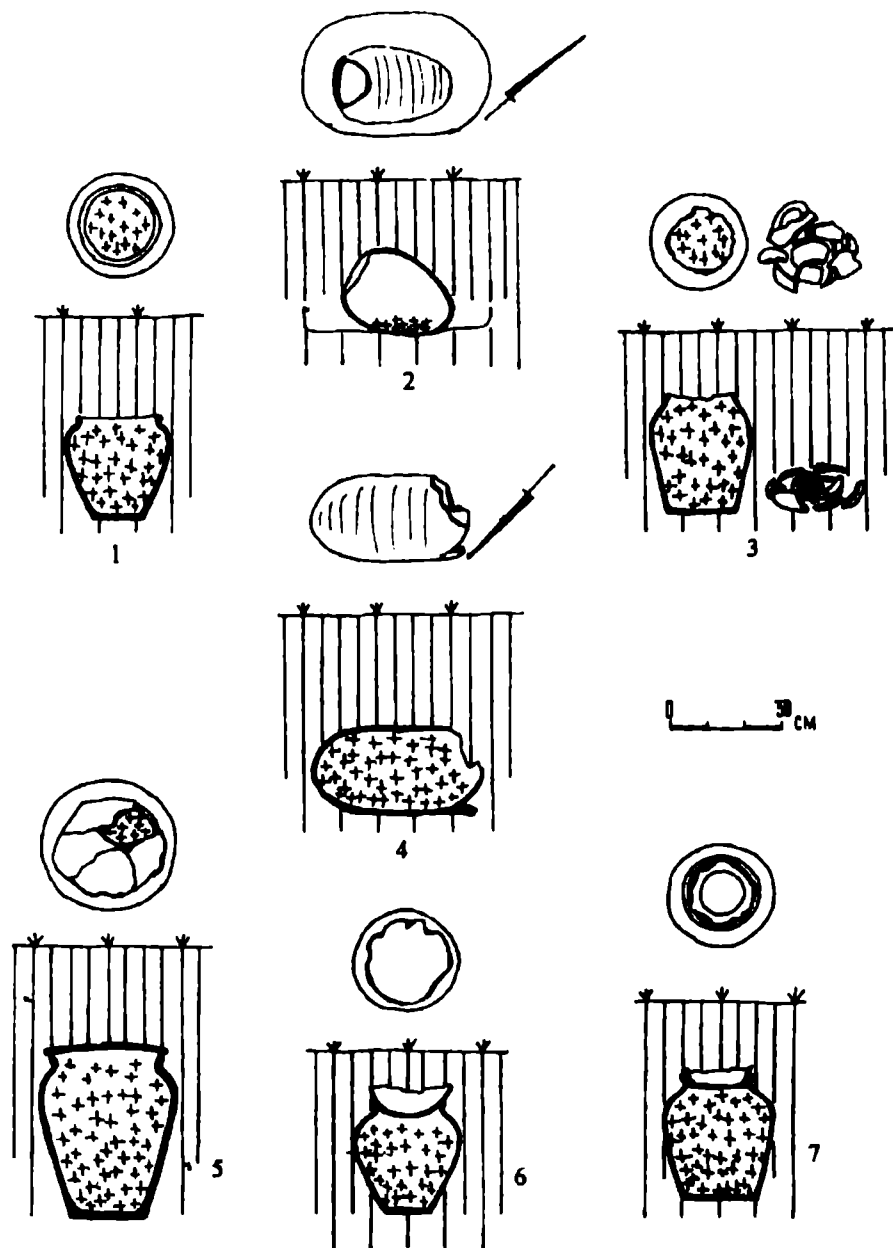

Рис. 7. Урновые сожжения могильника Сухая Гомольша. Тип II-5, II-6. 1 - погр. №193; 2 - погр. №55; 3 - погр. №208; 4 - погр. №182; 5 - погр. №238; 6 - погр. №235; 7 - погр. №186.

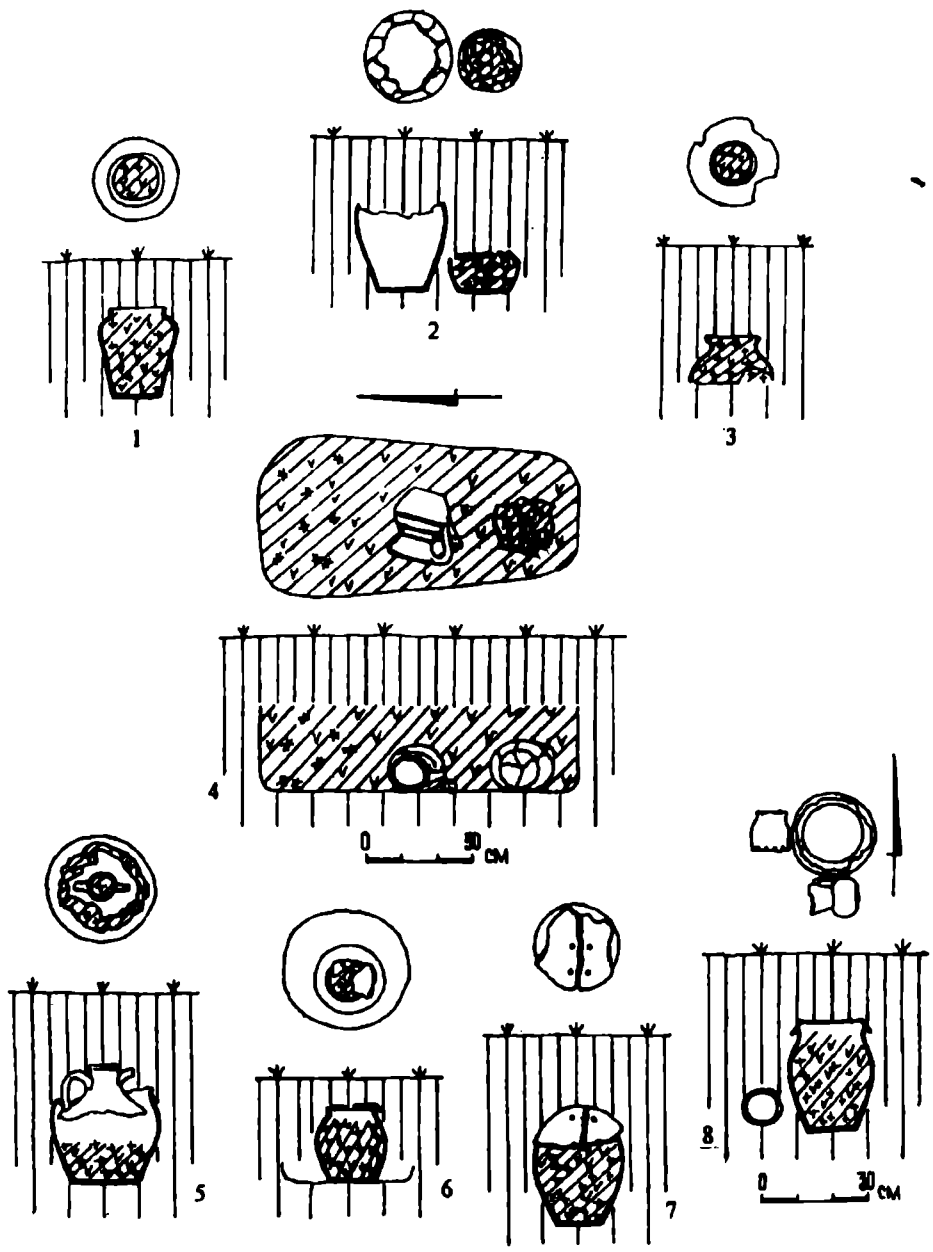

Рис.8. Урновые сожжения могильника Сухая Гомольша. Тип II-7, II-8. 1 - погр. №98; 2 - погр. №103; 3 - погр. №108; 4 - погр. №67; 5 - погр. №70; 6 - погр. №29; 7 - погр. №89; 8 - погр. №289.

Таблица 1

Соотношение видов кремаций по могильнику Сухая Гомольша.

безурновые				урновые							
I-1	I-2	I-3	I-4	II-1	II-2	II-3	II-4	II-5	II-6	II-7	II-8
16	36	38	89	14	6	29	7	22	8	44	8
5%	11,3%	11,9%	28,1%	6,9%	2,5%	13,9%	2,5%	4,4%	1,9%	9,1%	2,2%

Таблица 2

Характерные черты погребального обряда ряда культур юга Восточной Европы второй - третьей четверти I тыс. н. э.*

археологические культуры	кости прикрыты урной	кости в яме, и в урне	кости в урне	остатки погр. костра	инвентарь отсутст вует	фрагменты сосудов	Кости животных
киевская	1,3%	1,3%	6,1%	88,8%	73%	50,4%	29%
черняховская	3,7%	0,5%	32,3%	21,2%	62%	70%	3,5%
колочинская	1,2%	2,9%	37%	36,5%	58,3%	40,8%	6,7%
пеньковская	-	-	25%	100%	100%	+	-
волынцевская	-	3%	67,8%	58,8%	84,8%	22,2%	11%
Сухая Гомольша	25,5%	-	17,8%	66,8%	57,3%	9,1%	0,3%

* данные приведены по: Зиньковская И.В. Население лесостепного Днепро-Донского междуречья во второй - третьей четверти I тыс. н. э. (по материалам погребальных комплексов с кремациями). Автореферат дис. ... канд. историч. наук. Воронеж, 1997.

В ориентировке могильных ям захоронений могильника Сухая Гомольша прослеживаются две тенденции: меридиональная и широтная. В тех случаях, когда пережженные человеческие кости были сложены в кучку или сохранились достаточно крупные фрагменты костей черепа, они концентрировались в западном или южном краю ям, в зависимости от того, какую ориентировку, широтную или меридиональную, имели могильные ямы. В небольшом количестве захоронения как с широтной, так и с меридиональной ориентировкой могильных ям и с аналогичным сухогомольшанским размещением человеческих останков встречены на могильниках колочинской культуры [Липкин 1974, 148, 149, 150; Падин 1974, 134; Поболь 1974, 168, 174; Третьяков 1974, 71, 72]. Однако, такая же ориентировка могильных ям отмечена и на могильниках типа Дюрсо в Прикубанье [Дмитриев 2003, табл. 87: 1 - 4].

Для кремаций Сухогомольшанского могильника все же в большей мере характерна широтная ориентировка могильных ям. Именно для кремаций с такой ориентировкой могильных ям больше характерно наличие рядом поминальных комплексов, содержащих предметы вооружения и элементы конского снаряжения. Инвентарь из захоронений с меридиональной ориентировкой могильных ям беднее и зачастую не содержит предметов экипировки воинов-всадников. Урны в захоронениях волынцевской культуры так же ориентированы по линии восток - запад, но для волынцевских захоронений не характерны находки предметов вооружения и конского снаряжения [Смиленко, Юренко 1990, 276]. Погребения с широтной ориентировкой могильных ям, содержащие снаряжения воина-всадника, достаточно хорошо представлены на могильнике Дюрсо [Дмитриев 2003, табл. 87: 1, 2].

Ориентировка могильных ям по линии север - юг характерна и для немногочислен-

ных безурновых захоронений однообрядовых могильников VIII - X вв. Болгарии [Въжарова 1976, 426; Димитров 1974, 66]. В то же время, могильные ямы вытянутых очертаний (прямоугольные и овальные) преобладают на могильниках именьковской культуры. Наиболее характерной для именьковских кремаций ориентировкой могильных ям является меридиональная (44 %), хотя известна и ориентировка могильных ям по линии восток - запад (13 %) [Генинг, Стоянов, Хлебникова, Вайнер, Казаков, Валеев 1962, 39, табл. Д; Казаков 1998, 99]. Однако какой-либо устойчивой традиции в размещении пережженных человеческих костей, в отличие от сухогомольшанских кремаций, в именьковских погребениях не наблюдается [Генинг, Стоянов, Хлебникова, Вайнер, Казаков, Валеев 1962, 39, табл. Е].

В пеньковских, колочинских, волынцевских захоронениях зачастую присутствуют неочищенные от следов погребального костра пережженные человеческие кости [Березовец 1952, 248; Приходнюк 1998, 28; Смиленко, Юренко 1990, 277]. Напротив, процент захоронений, содержащих очищенные от золы и углей погребального костра человеческие останки, на могильнике Сухая Гомольша достаточно высок - 32 %. Этим кремации Сухой Гомольши отличаются и от славянских сожжений Подунавья. В славянских кремациях VIII - X вв. Болгарии древесные угольки встречаются лишь изредка и в небольшом количестве [Въжарова 1976, 9; Димитров 1974, 58].

Наличие в кремациях фрагментов керамики является характерной чертой погребального обряда славянских культур I тыс. н. э. Фрагменты преднамеренно разбитых сосудов встречаются в 40,8 % захоронений колочинской и не менее чем в 22,2 % погребений волынцевской культур [Зиньковская 1997, 13, 14]. Присутствие в погребении фрагментов керамических сосудов для захоронений могильника Сухая Гомольша - явление достаточно редкое (9,1 %). Данный элемент погребального обряда не был зафиксирован в кремациях VIII - IX вв. из Кубано-Черноморского района. Для кремационных могильников VIII - X вв. Болгарии наличие фрагментов керамики в захоронениях также не характерно, они встречаются изредка, в основном только в кремациях биритуальных некрополей Подунавья [Димитров 1974, 63]. Кремации с биритуальных могильников Болгарии существенно отличаются от славянских погребений по обряду трупосожжений и связываются исследователями со степными (тюркскими) народами [Въжарова 1976, 427].

Для могильника Сухая Гомольша характерен высокий процент кремаций под перевернутыми вверх дном сосудами (25,5 %). Такие захоронения изредка встречаются в памятниках киевской, черняховской, пеньковской, корчакской, колочинской культур [Приходнюк 1990, 228], но там их доля не превышает 4 % [Зиньковская 1997, 11 - 14]. В славянских погребальных памятниках середины - второй половины I тыс. н. э. неизвестна установка перевернутых вверх дном сосудов-урн на подстилку из фрагментов сосудов, тогда как количество таких захоронений на Сухогомольшанском могильнике составляет 5 % от общего количества погребений.

4,1 % урновых захоронений Сухой Гомольши (II-6; II-8) были накрыты крышками. В небольшом количестве подобные захоронения встречены только на памятниках колочинской культуры [Липкин 1974, 144]. Только на некоторых кремационных некрополях Болгарии (Долгопол 1, Блесково, Бабово, Раздела) отмечены единичные сожжения, в которых остатки кремации были прикрыты крышкой [Въжарова 1976, 10]. На других некрополях Болгарии (Гарван-1, Попина-2, Юпер) такие захоронения отсутствуют. В

небольшом количестве захоронения, содержащие сосуды-урны, накрытые крышкой, сосуды-урны, перевернутые вверх дном и, иногда, еще стоящие на «подстилке» (каменная плитка, крупный фрагмент сосуда, донная часть сосуда), встречаются на кремационных могильниках VIII - IX вв. Прикубанья [Тарабанов 1992].

Кремационные погребения Кубано-Черноморского района отличает от захоронений Сухогомольшанского могильника и то, что погребальный инвентарь присутствует в большинстве кремаций кубано-черноморского района второй половины VIII – первой половины X вв. [Дмитриев 2003, 203 - 205; Саханев 1914; Тарабанов 1992; Тарабанов 1999]. Процент же безынвентарных захоронений Сухогомольшанского некрополя достаточно высок. На могильнике Сухая Гомольша к разряду безынвентарных относится 36,1 % безурновых и 41 % урновых захоронений. При этом данный показатель могильника Сухая Гомольша ниже аналогичного среднего показателя для кремационных могильников пеньковской, колочинской, волынцевской культур. Их отличительной чертой является безынвентарность [Приходнюк 1990, 228; Смиленко, Юрэнко 1990, 277]. В славянских кремационных захоронениях VIII - X вв. Болгарии инвентарь встречается также исключительно редко [Въжарова 1976, 11; Димитров 1974, 64].

Отличает захоронения могильника Сухая Гомольша от славянских кремаций и наличие в погребениях предметов вооружения, элементов конского снаряжения, которые находились как среди пережеженных человеческих костей, так и в расположенных рядом с погребениями "тайничках" (6,6 % - 21 погребение). Так называемые "тайнички" неизвестны на славянских погребальных памятниках, зато они характерны для погребальных памятников тюркских народов [Плетнева 1967, 101]. К тому же в 14 погребениях (4,7 %) Сухой Гомольши предметы вооружения и элементы конской сбруи составляли единый комплекс [Аксенов 1998, 43]. В целом же могильник Сухая Гомольша, по сравнению с кремациями VIII - IX вв. Прикубанья, дает достаточно низкий процент захоронений воинов-всадников, тогда как предметы вооружения и конского снаряжения встречены почти в трети кремаций могильников типа Дюрсо. Отличает могильник Сухая Гомольша от кремационных некрополей Прикубанья отсутствие отдельных конских захоронений, тогда как захоронения коней обнаружены на некоторых кремационных могильниках Кубано-Черноморского региона [Гавритухин, Пьянков 2003, 195]. В Подонцовье отдельные конские захоронения встречены на биритуальных могильниках Красная Горка и Пятницкое.

Помещение в кремационные захоронения сосудов-приставок считается специфической чертой погребального обряда славянских культур Восточной Европы I тыс. н. э. Особенно сосуды-приставки характерны для волынцевских захоронений [Смиленко, Юрэнко 1990, 276]. Однако наличие сосудов-приставок известно и в неславянских погребениях второй половины I тыс. н. э. юга Восточной Европы. Так, сосуды-приставки были неоднократно встречены в кремациях второй половины VIII - IX вв. Прикубанья [Дмитриев 1979, 54; Дмитриев 2003, 203]. Сосуды-приставки были обнаружены только в 22 захоронениях (11 безурновых и 11 урновых) Сухогомольшанского могильника - 6,9 % от общего числа захоронений. Урнами и сосудами-приставками в захоронениях могильника служили только типично салтовские лепные (20 экз.) и гончарные (91 экз.) кухонные горшки, кувшины (21 экз.), кружки (2 экз.), кубышки (3 экз.), крымские амфоры (8 экз.) [Брэхач 1999, 140 - 141; Михеев 1986, 160 - 162, рис. 2;]. Керамические сосуды, игравшие роль погребальных даров, изредка встречаются в захоронениях кре-

мационных могильников VIII - X вв. Болгарии (Разделка, Гарван-1, Бабово) [Въжарова 1976, 11, табл. II; Димитров 1974, 62]. В то же время, сосуды-приставки встречены почти в 30% кремационных захоронений биритуальных могильников Подунавья [Димитров, 1974, 62].

Не характерно для кремаций могильника Сухая Гомольша и наличие в захоронениях остатков мясной жертвенной пищи в виде сырых или обожженных костей животных (0,3 % погребений), тогда как в погребениях киевской, колочинской, волынцевской культур процент захоронений, содержащих остатки мясной жертвенной пищи, колеблется от 7 до 30%. По этому показателю сожжения Сухой Гомольши сравнимы лишь с захоронениями пеньковской культуры [Зиньковская 1997, 11 - 14]. Не обожженные кости животных встречены от 37 % до 50 % кремаций биритуальных, т.е. болгаро-славянских, могильников Подунавья (Варна, Девня-1, Девня-3), тогда как на могильниках, где сожжение является единственным обрядом, остатки мясной жертвенной пищи встречаются исключительно редко [Димитров 1974, 64].

Таким образом, можно констатировать, что в кремациях Сухой Гомольши присутствуют черты погребального обряда ряда археологических культур степных и лесостепных районов Восточной Европы середины - второй половины I тыс. н. э. (пеньковской, колочинской, волынцевской, тюркской). Сожжения могильника демонстрируют переплетение нескольких погребальных традиций в рамках одной салтовской общины на северо-западном пограничье Хазарского каганата.

Наличие среди кремаций могильника безынварных урновых и безурновых захоронений, содержащих неочищенные от следов погребального костра пережженные человеческие кости; погребений с сосудами-приставками; захоронений, в которых встречены фрагменты битой посуды, урны, установленные дном вверх, по-видимому, можно рассматривать как тот факт, что часть захоронений могильника принадлежит потомкам пеньковского и колочинского (смешанного славяно-иранского и славяно-балтского) населения Подонцовья.

Исследователь Сухогомольшанского могильника В.К. Михеев счел возможным использовать коньковые шумящие подвески для определения этнической принадлежности населения, оставившего могильник. В связи с тем, что как часть сакрализованного комплекса личных украшений и оберегов женского костюма шумящие коньковые подвески вряд ли могли служить предметом торговли или обмена, это свидетельствует о возможном присутствии в составе сухогомольшанской общины представительниц угорского этноса [Мухеев 1986, 166]. Отчасти это подтверждают и данные антропологии [Malinowski, Michejew 1981, 155]. Вероятно, с угорским этносом следует связывать не только кремации, содержащие коньковые шумящие подвески, а и захоронения в ямах, ориентированных по линии север - юг. Именно такая ориентировка могильных ям характерна для финно-угорского населения Поволжья.

Ряд исследователей считает, что полностью одинаковый набор вооружения, конского и походного снаряжения мог быть только у дружинников одной определенной народности [Березовец 1999, 326]. Полная идентичность инвентаря кремационных захоронений из бассейна Северского Донца и погребений типа Борисово-Дюрсо отмечается большинством исследователей. Показательно, что конские начальники на территории Предкавказья встречены только в аланских катакомбных захоронениях [Хайнрих 1995, 245] и в кремациях Борисовского, Молдовановского могильников, могильника

Дюрсо [Гавритухин, Пьянков 2003, табл. 73: 12; Дмитриев 2003, табл. 91: 27; Саханов 1914, 118; Тарабанов 1992, 77, рис. 2, 7]. Ни в захоронениях, совершенных в так называемых "курганах с ровиками" и связываемых с хазарами, ни в грунтовых труположениях юга Восточной Европы, оставленных болгарами, конские начальники не были найдены ни разу [Иванов 2000, 8 - 9; Красильников 1991, 62 - 81; Швецов 1991, 109 - 123]. В Подонцовье конские начальники также были обнаружены только в катакомбных захоронениях аланского лесостепного варианта салтовской культуры [Плетнева 1989, рис. 41; 42; Покровский 1905, табл. XX: 91;] и кремациях Сухогомольшанского могильника (погр. №175), могильника Красная Горка (погр. №101, 216/к-19), могильника Лысый Горб (погр. №2) [Аксенов 1998, табл. I; II; Аксенов 1999, рис. 2]. Это позволяет предположить, что какая-то часть кремаций Сухогомольшанского могильника оставлена представителями населения, этнически родственного аланам - носителям катакомбного обряда. Такая возможность предполагалась исследователем Ново-Покровского кремационного могильника Ю.В. Кухаренко [Кухаренко 1951, 107]. Из абхазско-адыгских племен Западного Кавказа выводил носителей обряда кремации в Подонцовье салтовского времени Д.Т. Березовец [Березовец 1970, 60; Березовец 1999, 330].

Часть погребений могильника Сухая Гомольша оставлена выходцами из тюркской среды, которым принадлежат захоронения с "тайничками" и, возможно, кремации в ямах вытянутых очертаний, ориентированных по линии восток-запад. На их присутствие в сухогомольшанской общине указывает состав инвентаря, в котором значительное место отводится предметам вооружения, конскому снаряжению, а также наличие складных серпов, железных пинцетов, железных котлов, вилок для доставания мяса из котла, шампуров [Мухеев 1985, рис. 8 - 11; Мухеев 1986, рис. 7].

Наличие в захоронениях могильника Сухая Гомольша (№135, 233, 143, 176) вещей (Рис. 9), датируемых первой половиной - третьей четвертью VIII в., однозначно указывает на время появления в Подонцовье населения, оставившего данный некрополь.

Таким образом, в среднем течении Северского Донца - на границе лесостепи и степи - в первой половине VIII в. сложились условия для широких контактов разноэтничного населения, приведших к созданию в рамках салтово-маяцкой культуры нового этнического образования, представители которого и оставили могильник Сухая Гомольша. В сложении этого новообразования, наряду с местным населением (поздними "пеньковцами" и "колочинцами"), приняли участие и выходцы из степных районов юга Восточной Европы тюркско-угорского происхождения.

Появление кремаций, близких сухогомольшанским, в Кубано-Черноморском регионе относится ко второй половине VII - началу VIII вв. [Гавритухин, Пьянков 2003, 198, Тарабанов 1992, рис. 3: 4, 8], что отражает факт экспансии объединения, возглавляемого хазарами, в отношении к Великой Болгарии Кубрата. Для нас важен факт хронологической последовательности появления "салтовских" кремационных захоронений - первоначально в Кубано-Черноморском районе, несколько позже - в верхнем Подонцовье, что согласуется со временем и последовательностью распространения на данные регионы власти Хазарского каганата.

Время появления салтовских кремационных захоронений в верхнем Подонцовье совпадает со временем появления здесь носителей и салтовского катакомбного погребального обряда - алан. Это позволяет предположить, что и те, и другие оказались в бассейне Северского Донца и на Осколе в результате одних и тех же событий первой

овины VIII в., затронувших народы, входившие в состав Хазарского каганата и проживавшие на Северном Кавказе и в Прикубанье.

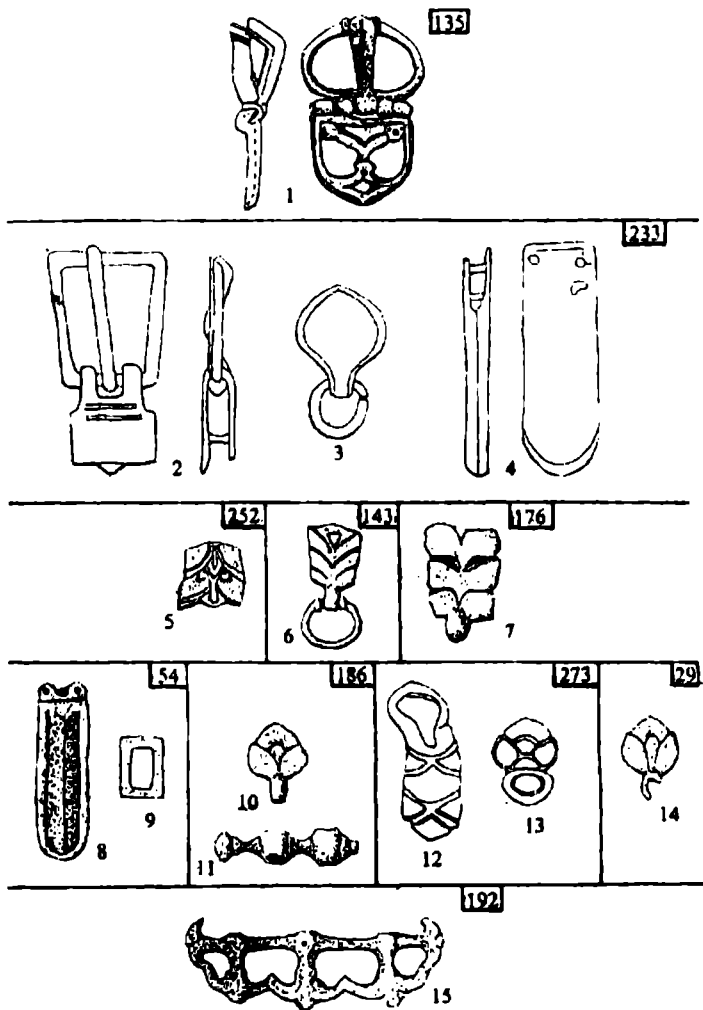

Рис.9. Элементы поясной гарнитуры из сожжений могильника Сухая Гомольша.

Пришедшие в верхнее Подонцовье носители кремационного обряда из Прикубанья (аркско-угорский этнический элемент) слились с местным населением ("пеньковца" и "колочинцами"). Подтверждением этому, по-видимому, и могут служить захоронения салтовского кремационного могильника Сухая Гомольша. Отличия между кре-

маціями Подонцовья и Прикубанья обусловливаются разными этно-племенными подосновами, придавшими материальной культуре населения данных регионов своеобразную окраску.

Литература

- Аксенов В.С. К вопросу об уровне вооруженности населения салтовской культуры (по материалам погребений с сожжениями Сухогомольшанского и Красногорского могильников) // *Вісник ХДУ*. - 1998. - №413. - Вип.30. - С. 137 - 149.
- Аксенов В.С. Новый салтовский могильник в верхнем Подонечье // *Донская археология*. - 1999. - №3-4. - С. 34 - 40.
- Афанасьев Г.Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона (аланский вариант салтово-маяцкой культуры) // *Археологические открытия на новостройках* Вып.2. - М., 1987.
- Афанасьев Г.Е. Донские аланы. Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения Среднего Дона. - М., 1993.
- Афанасьев Г.Е. Где же археологические свидетельства существования Хазарского государства // *РА*. - 2001. - №2. - С. 43 - 55.
- Березовец Д.Т. Дослідження на території Путівльського району, Сумської області // *Археологічні пам'ятки УРСР*. - 1952. - Т. III. - С. 242 - 250.
- Березовец Д.Т. Про ім'я носіїв салтівської культури // *Археологія*. - 1970. - Т. XXIV. - С. 59 - 74.
- Березовец Д.Т. Русы в Поднепровье (доклад на XIV конференции Института археологии АН УССР) // *Полтавський археологічний збірник 1999 р. До 1100-ліття м. Полтави за результатами археологічних досліджень*. - Полтава, 1999. - С. 333 - 350.
- Богуслаевский Г.С. До питання про етнічну приналежність поховань за обрядом кремациї салтово-маяцької культури // *Археологія*. - 2001. - №2. - С. 52 - 57.
- Брехач М.Г. Керамический комплекс могильника салтовской культуры Сухая Гомольша // *Матеріали Міжнародної археологічної конференції "Етнічна історія та культура населення степу Євразії (від кам'яного віку по ранне середньовіччя)*. - Дніпропетровськ. 1999. - С. 140 - 142.
- Въжарова Живка Н. Славяни и прабългари (по данни на некрополите от VI - XI в. на територията на България). - София, 1976.
- Гавритухин И.О., Пьянков А.В. Раннесредневековые древности побережья (IV - IX вв.) // *Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV - XIII вв.* - М., 2003. - С. 186 - 200.
- Генинг В.Ф., Стоянов В.Е., Хлебникова Т.А., Вайнер И.С., Казаков Е.П., Валеев Р.К. Археологические памятники у села Рождественно. - Казань, 1962.
- Дегтярь А.К. Некоторые вопросы истории населения верхнего течения Северского Донца в раннем средневековье // *Вестник ХГУ*. - 1981. - №214. - С. 75 - 83.
- Димитров Д.Ил. Погребалниет обред при раннобългарските некрополи във Варненско (VIII - X в.) // *ИАИ*. - 1974. - Т.34. - С. 51 - 92.
- Дмитриев А.В. Могильник эпохи переселения народов на реке Дюрсо // *КСИА*. - 1979. - №158. - С. 52 - 57.

Дмитриев А.В. Могильник Дюрсо - эталонный памятник древностей V - IX веков // Крым. Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV - XIII вв. - М., 2003. - С. 200 - 206.

Зиньковская И.В. Население лесостепного Днепро-Донского междуречья во второй - третьей четверти I тыс. н. э. (по материалам погребальных комплексов с кремациями) / Автореф. дис. ... кандидата историч. наук. - Воронеж, 1997.

Иванов А.А. Раннесредневековые подкурганые кочевнические захоронения второй половины VII - первой половины IX вв. Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья / Автореф. дис. ... кандидата историч. наук. - Волгоград, 2000.

Казakov Е.П. Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи тюркских каганатов // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н. э. (вопросы хронологии). - Самара, 1998. - С. 97 - 156.

Краевченко Н.М. Погребения с сожжениями на черняховских могильниках. // Погребальный обряд племен черняховской культуры. - М., 1983. - С. 41 - 51.

Красильников К.И. Могильник древних болгар у с. Желтое на Северском Донце // Проблемы на прабългарската история и култура. Вип. 2. - София, 1991. - С. 62 - 81.

Кухаренко Ю.В. О некоторых археологических находках на Харьковщине // КСИ-ИМК. - 1951. - Вып. XLI. - С. 99 - 108.

Липкине Ю.А. Могильники третьей четверти I тыс. н. э. в Курском Посемье // Раннесредневековые восточнославянские древности. - Ленинград, 1974. - С. 136 - 152.

Михеев В.К. Коньковые подвески из могильника Сухая Гомольша // СА. - 1982. - №2. - С. 156 - 167.

Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. - Харьков, 1985.

Михеев В.К. Сухогомольшанский могильник // СА. - 1986. - №3. - С. 158 - 173.

Михеев В.К. О социальных отношениях у населения салтово-маяцкой культуры Подонья - Приазовья в VIII - IX вв. (Ч.1) // Археология славянского Юго-Востока. - Воронеж, 1991. - С. 43 - 50.

Падин В.А. Древности VI - VII вв. н. э. в окрестностях Трубчевска // Раннесредневековые восточнославянские древности. - Ленинград, 1974. - С. 132 - 135.

Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // МИА. - 1967. - №146. - С. 1 - 196.

Плетнева С.А. Об этнической неоднородности населения Северо-Западного Хазарского пограничья // Новое в археологии. - М., 1972. - С. 108 - 118.

Плетнева С.А. На славяне-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. - М., 1989.

Плетнева С.А. Хазарские проблемы в археологии // СА. - 1990. - №2. - С. 77 - 91

Поболь Л.Д. Древности середины и третьей четверти I тыс. н. э. в Белорусском Поднепровье // Раннесредневековые восточнославянские древности. - Ленинград, 1974. - С. 159 - 180.

Покровский А.М. Верхне-Салтовский могильник // Труды XII АС. Т. 1. - М., 1905. - С. 465 - 491.

Приходнюк О.М. Раннеславянские культуры V-VII вв. и этнополитическая консолидация славян // Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. - К., 1990. - С. 202 - 254.

Приходнюк О.М. Пеньковская культура. - Воронеж, 1998.

Пьянков А.В. Касоги / касахи / кашаки письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа // Материалы и исследования по археологии Кубани. - Вып. 1. - Краснодар, 2001. - С. 198 - 213.

Пьянков А.В., Тарабанов В.А. Кремационные погребения Кубани и Подонья салтовского времени: единство происхождения или случайное сходство // Проблемы археологии и истории Боспора. К 170-летию Керченского музея древностей. - Керчь, 1996. - С. 61 - 64.

Саханев В.В. Раскопки на Северном Кавказе в 1911-1912 гг. // ИАК. - 1914. - Вып. 56. - С. 75 - 219.

Седов В.В. Славяне: историко-археологическое исследование. - М., 2002.

Смиленко А.Т., Юренок С.П. Восточные славяне в VIII - IX вв. // Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. - К., 1990. - С. 255 - 321.

Тарабанов В.А. Раскопки средневекового кремационного могильника у с. Молдовановское Крымского района в 1989 г. // Археологические раскопки на Кубани в 1989 - 1990 годах. - Ейск, 1992. - С. 76 - 79.

Тарабанов В.А. Ингумационное погребение в Молдовановском кремационном могильнике (по раскопкам 1989 г.) // Древности Кубани. Материалы семинара посвященного 85-летию Н.В. Анфимова. - Краснодар, 1997. - С. 24 - 27.

Третьяков П.Н. Древности второй и третьей четвертей I тыс. н. э. в Верхнем и Среднем Подвсенье // Раннесредневековые восточнославянские древности. - Ленинград, 1974. - С. 40 - 118.

Хайнрих А. Раннесредневековые катакомбные могильники из селений Чми и Кобан // Аланы: история и культура. - Владикавказ, 1995. - С. 184 - 258.

Шецов М.Л. Могильник "Зливки" // Проблеми на прабългарската история и култура. Вип. 2. - София, 1991. - С. 109 - 123.

Malinowski A., Michejew W. Suchogomolzański zespok osadniczy w świetle danych archeologii i antropologii // Źródła do badań Biologii i historii populacji słowiańskich. - Poznań, 1981. - S. 147 - 155.